

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Николай Вольский

Одной из существенных особенностей "русского национального характера" считается его подверженность такому общечеловеческому пороку как зависть. Многие считают, что зависть к чужому богатству была важным мотивом, определявшим поведение среднего русского обывателя в революции, гражданской войне, коллективизации, и что именно этой национальной чертой во многом объясняется успешность большевистской агитации, разжигавшей классовую вражду. Среди самих русских популярен анекдот о "русском мужике", который на предложение Бога дать ему всё, чего он только пожелает, но с условием, что соседу будет дано вдвое больше, ответил: "Выбей мне, Боже, один глаз".

Ясно, что такое мнение, существующее, по крайней мере, в течение многих десятилетий, на чём-то основано, что-то в реальности ему соответствует, раз русские люди считают подобные анекдоты метким описанием черты характера, свойственной русскому народу. Сразу нужно отметить, что слово "народ" употребляется в таких суждениях скорее в узком, чем в широком смысле, то есть имеется в виду не столько народ, как нация, объединяющая всех русских, сколько народ, как низшие слои населения ("простонародье", "мужики"). Можно сказать, что особенная завистливость приписывается самому многочисленному и, в то же время, самому инертному классу, тому глубинному слою нации, который наименее подвержен каким-либо внешним влияниям и более других устойчив к переменам в поведении и психологии. Не образованные классы заражают свой народ пороком зависти, а напротив: потому что завистлив "русский мужик" (самый распространённый вплоть до середины двадцатого века тип "русского человека"), склонность к обусловленным завистью психологическим реакциям становится типичной для всего общества. Повышенная завистливость среднего русского человека (к какому бы классу он не принадлежал) имеет свои истоки в завистливости мужика. Тогда нужно признать, что завистливость является не болезнью сегодняшней эпохи, а древней и глубоко укоренённой чертой нашего национального характера. По-видимому, сравнивая поведение своих соплеменников с поведением представителей других наций, мыслящие русские люди пришли к выводу, что "наш русский мужик" в среднем более завистлив, чем другие доступные наблюдению "мужики". Правда, с развитием общества, с переходом мужиков в иные - более высокие - общественные разряды эта черта несколько ослабевает, однако она всё ещё оказывает сильное влияние на психологический склад и поведение всего нашего общества.

Таково мнение русских о себе и своём народе. Даже если оно и грешит гиперкритицизмом (а существует не менее психологически убедительное мнение, что русские в высказываниях о своём национальном характере склонны оценивать его очень критично), всё же приходится согласиться с тем, что дыма без огня не бывает, и что какая-то черта "русского народного характера" уловлена в этих суждениях верно. С другой стороны, остаётся неясным, что могло сформировать такую особенность характера, какими условиями существования, привычными схемами поведения, способами бытия обусловлена эта повторяющаяся из поколения в поколение предрасположенность народа к завистливым реакциям. При этом нужно учесть, что, по мнению великой русской литературы, "настоящий русский мужик", как идеальный тип характера, вовсе не склонен завидовать окружающим, он вполне устойчив к чужому успеху, привык довольно хладнокровно расценивать свои собственные и чужие приобретения и утраты ("Бог дал, Бог и взял", "на всё Божья воля"), и вообще имеет благородную привычку к упорному, несуетливому выполнению своего долга, а там, дескать, что Бог пошлёт. Естественно, крестьяне, как и все люди, способны испытывать злорадство по поводу чужих несчастий, но это маргинальная реакция, в массе своей

народ сочувствует чужим неудачам, отзывчив на них, готов оказать помощь тем, кому не повезло. Именно это сочувственное отношение к чужим бедам составляет, по мнению наших классиков, глубинную часть народной морали ("мужицкой правды"), выгодно отличая "мужика" - пусть не эмпирически типичного, но рассматриваемого как идеальный тип - от представителей более образованных классов, которые больше руководствуются принципом "каждый сам за себя". Типичность такого - исключаящего злорадство и завистливое удовлетворение - отношения к чужим бедам вполне понятна и обоснована: при жизни "миром", общиной любое чужое несчастье и неудача становятся в какой-то степени и общим несчастьем, последствия которого надо будет исправлять всем миром, сообща. Если это верно и если исконной чертой русского национального характера является склонность к сопереживанию, к взаимопомощи, что явно противодействует массовому распространению зависти (причем эта черта исторически обусловлена и выводима из общинного способа жизни русского крестьянства), то в противоречие вышеприведённому выводу, следует признать, что эмпирически наблюдаемая повышенная завистливость русского народа не имеет вековой основы. Она не была извечно свойственна народной ментальности, но она и не могла быть привнесена в неё извне в последнее время, за счёт контактов с другими заражёнными ею слоями населения. В таком случае её происхождение остаётся только отнести на счёт загадочной русской души, которая живёт и меняется по каким-то прихотливым, одному Богу ведомым законам.

Я думаю, что в основе этого - неутешительного для любого исследователя - вывода лежит неразличение поведенческих реакций, которые внешне схожи и описываются одним и тем же словом "зависть", но которые имеют совершенно разную психологическую основу.

Чтобы разобраться в этом, надо в первую очередь определить, какой смысл вкладывает в понятие "зависть" человек, приписывающий эту черту русскому народу. Не вдаваясь в тонкости и оттенки употребления этого слова, можно сказать, что о зависти речь идёт тогда, когда человек испытывает чувство досады (неудовлетворённости) от успеха, удачи, приобретения другого человека, и напротив чувствует удовольствие (удовлетворённость, радость), наблюдая чужие несчастья или жизненные неудачи. Существенным моментом в отнесении этих чувств к разряду "завистливых" является их "бескорыстность", то есть отсутствие прямой личной заинтересованности завистника в том или ином исходе дел. Не имеет смысла говорить о зависти, если неудача другого может послужить причиной моего успеха или если его успех преграждает пути к достижению моих планов. Если моего сослуживца за что-то уволили, а я вследствие возникших при этом перемещений получу повышение по службе, мою радость вряд ли можно будет приписать действию зависти; скорее всего доминирующим в таком случае будет чувство переживания собственной удачи. И лишь в том случае, когда его увольнение не принесёт мне каких-либо ощутимых преимуществ, а чувство злорадного удовольствия тем не менее останется, осмысленно будет утверждать, что оно обусловлено моей завистливостью.

Кроме того необходимо отличать чувство зависти от мстительного чувства, также находящего удовлетворение в созерцании чужого несчастья. Если я кого-то не люблю, ненавижу, считаю его отвратительным мерзавцем и желаю ему всяческих бед, то естественно, что всякое известие о приключившемся с ним несчастье меня радует, и напротив, его возвышение и успех приводят меня в плохое расположение духа. Но зависти, в точном понимании этого слова, здесь нет. Мои эмоции обусловлены негативной мотивацией, относящейся лично к этому человеку, неважно, чем эти мотивы были вызваны. Как я радуюсь успехам своих друзей, так я радуюсь неудачам своих врагов. О зависти, как о факторе, определяющем мои реакции, можно говорить лишь тогда, когда сама моя ненависть к этому человеку возникла как следствие его удачливости, высокого положения, богатства, красоты, таланта и т.п., и у меня нет других - обусловленных нашими личными взаимоотношениями - мотивов его ненавидеть.

Таким образом, зависть можно определить как бескорыстное удовольствие от чужих неудач, либо - в негативном изображении - как неудовольствие по поводу того, что вместо желаемых неудач приходится наблюдать чужие удачи. Несмотря на внешнюю иррациональность эмоциональных реакций такого типа, психологический механизм возникновения зависти вполне понятен и большинству из нас достаточно хорошо знаком по результатам самонаблюдения. Очевидно, что

зависть выражает не наше отношение к тем или иным людям, а наше отношение к самим себе, является проекцией наших неудач и провалов на внешний мир. Когда мы переживаем крушение наших надежд и планов, или хотя бы сомневаемся в их реальной выполнимости, когда мы чувствуем, что мы проигрываем в своей жизненной игре, что победителей из нас не получается, досада и раздражение становятся сознательным или бессознательным фоном наших эмоциональных переживаний, всякое событие невольно оценивается с этой важнейшей для нас точки зрения. В таких ситуациях, чтобы сохранить трезвость взгляда и непредубежденность, требуется большая внутренняя стойкость, душевное благородство, не позволяющее перекладывать вину за свои неудачи на окружающих, умение проигрывать хладнокровно и без истерик. Но зачастую всего этого нам не хватает, и тогда, как одно из проявлений слабости нашего духа, возникает зависть. Нет ничего удивительного в том, что у человека, потерпевшего неудачу, любое напоминание о том, что есть люди, которым удалось выиграть, лишней раз пробуждает чувство досады на себя, которое естественным образом превращается в злобу на того, кто своим успехом подчеркивает его неудачу, так сказать, тычет его носом в его собственную несостоятельность. Такой "удачник" дико раздражает, как тот образцовый мальчик - чистюля, спортсмен и отличник, - которого родители постоянно ставят в пример своему ребёнку, явно не выдерживающему такого сравнения. Ясно, что любая неудача этого образца и идеала вызывает у ребёнка злорадное удовлетворение: "Вот он как, ваш образцовый, в лужу вляпался". В той или иной степени подобные чувства, вероятно, знакомы каждому, и каждый знает, что зависть никого не красит, свидетельствуя о его слабости, поэтому люди скрывают такие эмоции и даже самим себе неохотно признаются в том, что отношение к людям иногда окрашено у них чувством зависти.

У большинства людей зависть не играет значительной роли в их отношениях к окружающим, и представляет собой лишь человеческую слабость, которой люди сами стыдятся. Только в тех случаях, когда человек сам вынес окончательный приговор своей жизни, признав её неудавшейся, и в то же время не может с достоинством принять правомочность этого приговора, смириться с ним, зависть может принимать злокачественные формы, становясь доминирующей реакцией на окружение и единственным - хотя и иллюзорным - способом самоудовлетворения и самоуспокоения. Истинно завистливый человек - это всегда несчастный человек, несмотря ни на какое его внешнее благополучие и несмотря ни на какие его самые искренние уверения в том, что он добился всего, чего хотел, и вполне доволен своей жизнью. Внутренне он признал своё поражение, отказался от дальнейшей борьбы, и считает себя окончательным неудачником. Поскольку он получает удовольствие только от чужих несчастий, встреча с таким человеком не сулит окружающим ничего хорошего, он готов сделать гадость "бескорыстно", в том смысле, что способен пойти на ущерб себе (что ему любой ущерб, по сравнению с уже проигранной жизнью; ему терять уже нечего), для того, чтобы сделать зло другому.

В так понимаемом чувстве зависти нет никакой внутренней связи с определённой эпохой или с национальными особенностями. Где есть люди, индивидуальные человеческие личности, там может возникать и зависть. Специфика может быть усмотрена в том, кому и в чём завидуют люди в разных обществах, что они расценивают как успех и неудачу, но сама по себе зависть является древнейшей общечеловеческой слабостью и, в какой-то степени, присуща всем людям. Нет никаких разумных оснований считать, что русский народ значительно отличается в этом отношении от других народов. На мой взгляд, сложившееся мнение об особенной завистливости русского народа - это ошибка восприятия, возникающая в результате того, что наблюдатель - а это, как правило, культурный, образованный, развитый (= европейски цивилизованный) человек, - будучи представителем линейного типа, со своей точки зрения оценивает поведение людей циклического типа, к которому принадлежали (а, возможно, и до сих пор принадлежат) русские крестьяне.

С этой точки зрения, человек, который с явным удовлетворением рассказывает, как у кого-то сгорел дом, может быть движим только завистью. В этом не приходится сомневаться: погорелец - такой же крестьянин, как и сам рассказчик, разве что позажиточнее - не был ему личным врагом, не имел с ним никаких спорных дел, вообще мало с ним знаком; сам рассказчик не может привести никаких мотивов, оправдывающих его реакцию, и в ответ на вопрос, что же в этом хорошего, может только сказать: "А что ж, и правильно, нечего было такие хоромы ставить". Налицо безмотивное, бескорыстное удовольствие от чужой неудачи, а следовательно, зависть. И никакого другого объяснения человек линейного типа этому дать не может. Если при этом ещё и выяснится, что большинство крестьян в деревне испытывают в связи с этим случаем подобные чувства, то, казалось бы, и говорить больше не о чем, мнение о поголовной завистливости русских крестьян не только оказалось правдоподобным, но и получило эмпирическое подтверждение. Даже если эти же самые крестьяне потом помогут погорельцу как-то

восстановить разрушенное хозяйство и построить какую-нибудь избёнку, оторвав при этом что-то от своих хозяйств, это только сделает их душевные потёмки ещё более загадочными, но никак не сможет опровергнуть факт их завистливости.

Но если посмотреть на этот случай в собственных координатах крестьян, то всё будет выглядеть совершенно по-другому. Конечно, невозможно отрицать, что среди людей, испытавших удовлетворение от пожара, могут быть завистники, и какую-то часть этой коллективной эмоции следует, вероятно, приписать действию зависти. Но массовость этого удовлетворения, его чуть ли не обязательность для всех членов общины, непосредственно не связанных с погорельцем, необходимо отнести на счёт другого бескорыстного (по определению) чувства - чувства справедливости. "При чём тут справедливость, - скажет линейный человек, - что он этот дом отобрал у кого-нибудь или на ворованные деньги построил? Ничего подобного, я знаю этот случай. Он сам его построил на честно заработанные деньги. Все в семье здоровые, работающие, и урожай несколько лет подряд. Ну, повезло человеку. А то, что дом у него был лучше, чем у других, так что же в этом плохого? Чем он другим-то мешал? Не завидовать надо, а самим стараться такие же дома построить". Все эти рассуждения правильны, логичны, убедительны, но они пригодны только для таких же, как и рассуждающий, линейных людей, а у циклических людей - у крестьян - другая справедливость, и если мы хотим понять их поведение, мы должны разобраться в их собственной логике, посмотреть на происходящее их глазами. И это можем сделать только мы, линейные люди, потому что циклический человек, вследствие неизменности, завершённости своего мира, невозможности выйти за его пределы, "заикленности" в нём, не имеет привычки сравнивать разные точки зрения, скорее всего он вообще сомневается в возможности существования людей с другими, нежели у него, но тем не менее правильными понятиями, а следовательно, он не может посмотреть на себя со стороны и связно описать свои отличия от людей другого типа. Как только он сможет это сделать, его цикличность неизбежно будет разрушена.

В данном случае логика поведения крестьян достаточно прозрачна и, можно сказать, лежит на поверхности. Как только мы откажемся от стремления непременно втиснуть их жизнь в несвойственную ей систему оценок и предположим, что их странное и морально ущербное (с нашей точки зрения) поведение имеет рациональную основу, ситуация становится вполне объяснимой. Крестьянское понятие справедливости, не позволяющее членам крестьянского сообщества иметь богатство, которое превышает некий общепринятый уровень, вне зависимости от того, каким путём оно им досталось, вытекает из самой сущности циклического (патриархального) общества. Признаком, определяющим общество как циклическое, является его стабильность, неизменность во времени, отсутствие видимого развития. Это касается всех сторон жизни общества, но в первую очередь, характеризует неизменность экономических параметров, описывающих данное общество. Если взять крестьянскую общину, как кусочек такого общества, то в любой доступный наблюдателю отрезок времени все используемые общиной экономические ресурсы остаются одними и теми же: неизменно население и его состав (соотношение работающих и "едоков"), количество и качество обрабатываемой земли; веками не меняются способы хозяйствования, агротехника, используемый инвентарь; поддерживается некий сложившийся уровень взаимоотношений с экономическими субъектами, находящимися за пределами общины (подати, барщина, поставка рекрутов, торговля, отходные промыслы и т.п.); вследствие этого остаются неизменными средняя производительность и количество продуктов труда, а отсюда и средний уровень потребления. Конечно, существуют определенные, и иногда довольно значительные, колебания вокруг средней, но если общество оказывается достаточно устойчивым, в конечном итоге все отклонения сглаживаются и всё возвращается на круги своя. Именно эта неизменность жизни, существующая из поколения в поколение, формирует циклического человека, определяет его понятия, принципы поведения и моральные оценки.

В рамках такого экономически неизменяющегося положения каждый крестьянский двор, во главе которого стоит хозяин (а только он является полноправным членом общины, "крестьянином", "человеком" в полном смысле слова), имеет свою определённую долю ресурсов, находящихся в распоряжении общины: свой надел земли, скот, дом, инвентарь, возможности пользоваться выпасами, покосами, лесом и т.п., но и свою долю повинностей и тягот, которые несёт община. В

пределах этого жизненного пространства человек должен реализовать себя, построить свою жизнь в соответствии со своим идеальным представлением о том, каким должен быть итог человеческой жизни, в чём заключается его счастье. Крестьянская община, как бы жёстко она не регламентировала поведение своих членов, не вмешивается непосредственно в жизнь и хозяйственную деятельность крестьянина и не берёт на себя ответственности за результаты. Каждый должен сам принимать решения, сам добиваться успеха и сам противостоять своим личным неудачам. Поэтому в конце жизни каждому предстоит лично отчитаться перед Богом и людьми и подвести свой личный итог, и в этом отношении циклический человек представляет собой такую же индивидуальную личность, как и человек линейного типа. Но всех своих целей крестьянин вынужден добиваться в границах своего "надела", он не может ни выйти из этих границ, ни раздвинуть их. Принципиальное отличие экономической ситуации в линейном обществе от циклического состоит в том, что в первом общественные ресурсы можно считать суммой всех ресурсов, находящихся в распоряжении отдельных членов общества, в то время как во втором - индивидуальные ресурсы представляют собой долю индивида в ресурсах, имеющихся у всего общества. Это, казалось бы, несущественное, чисто стилистическое отличие в описании позволяет подчеркнуть один из членов рассматриваемого соотношения, что значительно упрощает понимание самой сути дела.

Развивающееся общество всё время увеличивает количество ресурсов, которыми оно может располагать. Причём изыскание новых ресурсов, их накопление и вовлечение в общественный кругооборот происходит на уровне отдельных экономически активных индивидов, именно их деятельность обеспечивает процесс развития. В такой ситуации естественно считать общественные ресурсы суммой индивидуальных, поскольку от величины последних зависит их общее количество. В патриархальном обществе наличный объём ресурсов равен постоянной (или очень медленно возрастающей) величине, в каждом отдельном случае он определяется климатическими, демографическими условиями, достигнутым уровнем технологии, какими-то другими обстоятельствами, но для индивидов и общества в целом он существует как данность - его, конечно, можно пустить по ветру, но никакой хозяйственной или иной активностью его нельзя существенно увеличить. Поскольку не индивиды создают сумму ресурсов (от их деятельности она фактически не зависит, хотя и создаётся их трудом), естественно рассматривать индивидуальные ресурсы как то, что приходится на долю каждого в общих ресурсах. Поэтому увеличение чьей-либо доли неизбежно ведёт к пропорциональному уменьшению доли других индивидов.

Именно этот, обусловленный состоянием экономики и уровнем общественного развития факт лежит в основе важнейшего принципа, регулирующего поведение и моральные оценки циклического человека, - назовём его принципом "естественной нормы благ" - который предполагает, что для каждого человека, начиная от великого князя и патриарха и кончая последним смердом, определён некий (зависящий от социального статуса, принадлежности к определённой группе, множества других обстоятельств) общепринятый и общеобязательный уровень благосостояния (владения имуществом, потребления и т.п.), превышение которого аморально и недопустимо.

Часто этот принцип неверно понимается и описывается, как проявление присущей человеку из народа "уравнительной психологии", требующей, как выражался Шариков, "взять всё да и поделить", но, на самом деле, такое требование не может играть роль нравственного постулата, которым руководствуется крестьянин в своей обыденной жизни. В его устах оно может быть только реакцией на кризис, который разрушил эту привычную, протекавшую в естественной колее жизнь. Тогда этот лозунг следует понимать как требование вернуться к "правильной" жизни, начать игру сначала, обеспечив всем участникам равные стартовые условия. В условиях нормальной жизни крестьяне не только согласны на существование имущественного неравенства, в том числе неравенства в своём сословии, не просто примиряются с тем, что Бог делит людей (крестьян) на бедных и богатых, как с эмпирически существующим фактом, но и не могли бы согласиться (неважно, осознают они это или нет) на такое уравнивание. Переход к такому уравниванию (к "коммуне") неизбежно должен разрушить всю мужицкую систему ценностей, и верность этого вывода подтверждается многочисленными примерами из нашей истории (начиная, по-видимому, с арацхеевских поселений). В крестьянской этике, дающей человеку ориентиры для оценки окружающих и для самооценки, достижение имущественного благосостояния представляет один из главных критериев качества человека. В глазах мужика хороший, уважаемый, достойный подражания человек, с которого должны брать пример молодые люди и которым каждый хотел бы стать, - это прежде всего "справный хозяин", имеющий устойчивое имущественное положение и весь необходимый человеку набор материальных благ. В этом главное отличие "хорошего мужика" от "плохого мужика" - разгильдяя, неумехи и пьяницы. Если результаты деятельности "хорошего" и

"плохого" делить между ними поровну, вся жизнь крестьянина потеряет цель и смысл, из неё будет вынут стержень, на котором крепится вся система его рациональных отношений с миром.

Следовательно, желаемым результатом "поравнения", к которому стремится мужик, является не радикальное "равенство состояний", грозящее мужику утерей единственно доступного ему критерия индивидуальности, а восстановление некоторой меры неравенства, лимитирующей максимальный уровень благосостояния. И в условиях крестьянской патриархальной жизни такое стремление совершенно справедливо. Несоблюдение этой неписанной, но всем известной меры, чрезмерное обогащение одних, появление у них некоторых излишков неминуемо ведёт к изъятию такого же количества благ из доли других членов общины. Если общинный луг таков, что на нём могут кормиться по две (в среднем) коровы с каждого крестьянского двора, то наличие в чьём-то хозяйстве пяти коров должно вытеснить три чужих коровы с пастбища. Учитывая, что нижний предел благосостояния мужика находится на грани физического выживания, появление у кого-то излишков вытесняет другого крестьянина из жизни или, по крайней мере, лишает его хозяйственной самостоятельности, превращает в неполноценного человека. И это, считают крестьяне, несправедливо. Каждому должен быть дан шанс состояться в жизни, и от него самого должно зависеть, добьётся он успеха или нет. Но для этого каждый должен получить свою неотъемлемую долю, свой минимальный "надел", а это несовместимо с наличием значительных излишков у других членов общины. Поддержание этой естественной нормы и общепризнанной меры в распределении общинного богатства составляет важнейший элемент жизни общины. Перераспределение благ обеспечивается разнообразными социальными приспособительными приёмами, обычаями и установлениями (регулярный передел земли, "помочи", вынужденные щедрые угощения, выставляемые всей общине более зажиточными её членами по поводу различных празднеств, непропорциональное распределение имущественных и иных повинностей и т.д.). Эти приёмы, как бы они внешне не мотивировались, имеют две основные функции:

1. Взаимное страхование крестьян, позволяющее крестьянскому двору преодолевать случайно возникающие (но неизбежные при отсутствии значительных индивидуальных запасов) нехватки ресурсов. Как говорит американский социолог М.Липтон: "Многие выглядящие странными деревенские обычаи имеют смысл в качестве скрытых форм страхования".

2. Изъятие возникающих индивидуальных излишков и возвращение их в общинный кругооборот благ.

Кроме того, само существование какого-либо блага в качестве "излишка", его статус, выделяющий "предметы роскоши" из числа других благ, способствует его изъятию и перераспределению, так сказать, естественным образом. "Завидно" живущий хозяин привлекает всеобщее внимание ("завидеть" = "увидеть издалека"), именно к нему устремляются все, кто хотел бы что-нибудь получить задаром, содрать или выпросить. У него останавливается на постой урядник, его осаждают нищие и странники, он оказывается в числе первых, к кому обращается батюшка с просьбой дать что-нибудь на ремонт церкви и т.д. Когда, несмотря на действие всех этих способов узаконенного и общепринятого изъятия излишков, какое-то их количество всё же остаётся в распоряжении индивидуального хозяина, он обязан сам способствовать их выдаче на общее благо и не имеет морального права "заедать чужую долю". Поскольку человек слаб и не склонен добровольно отдавать своё, нажитое в непрестанных заботах и в результате личной удачи добро, обществу, исчерпавшему законные меры воздействия, остаётся только уповать на высшие силы, чьё вмешательство должно восстановить попорченную справедливость.

Как правило, Божий суд, в виде пожара, неурожая или падежа скота, приводит к желаемому "поравнению", к восстановлению исходного равновесия и стабильности общественного порядка, укрепляя в крестьянах веру в справедливое устройство мира. И тогда возникает разбираемая нами ситуация: крестьяне оказываются довольными результатами пожара, хотя могут не иметь никаких злых чувств по отношению к погорельцу. Хотя его поведение и нарушало правильный порядок вещей и заслуживает морального порицания, каждый понимает, что, окажись он на месте этого человека, он, возможно, не выдержал бы соблазна и вёл бы себя точно так же. Поэтому

удовлетворённость крестьян может и не иметь прямого отношения к личности погорельца, к его наказанию за грехи его, а связано с торжеством абстрактного принципа справедливости, восстановлением Божьего порядка на земле, что не может не наполнять душу каждого честного человека чувством удовольствия. Более того, сам погорелец, имея такие же моральные представления как и прочие крестьяне, вынужден был бы согласиться со справедливостью перенесённой им Божьей кары, если бы смог в такую минуту встать на моральную (абстрактно безличную) точку зрения. Следовательно, не в том дело, что русский мужик завистлив (вопрос о его подверженности чувству зависти остаётся открытым, скорее всего зависть распространена среди мужиков так же, как и среди других людей), дело в том, что он - человек традиционного, патриархального уклада, и мотивы его суждений и поступков неверно истолковываются европейски ориентированными наблюдателями. Так как в русском простонародье сохранялось больше черт патриархального быта и мировоззрения по сравнению с окружающими его народами и социальными слоями, у которых распад традиционного уклада жизни зашёл гораздо дальше, русский мужик намного чаще оказывался в ситуации непонимания его моральных установок и реакций, которые расцениваются извне как проявление мужицкой завистливости.

Конечно, того классического, хрестоматийного "русского мужика", о котором мы рассуждаем, уже нет, исчезла и крестьянская община, формировавшая его внутренний мир, но мы все, в той или иной степени, потомки и наследники этих мужиков, и в нашем обществе ещё многие суждения, моральные предпочтения и установки определяются этим наследством. Для иллюстрации этого я хочу сослаться на современного классика - Василия Шукшина, - писателя, очень тонко чувствовавшего и описывавшего душевные движения сегодняшнего "простого русского человека". В своём блестящем рассказе "Срезал" он даёт портрет демагога, наглядно и, можно сказать, с научной убедительностью показывая саму механику этого дела, внутренний механизм демагогического воздействия на публику. Именно в этом главное впечатление от рассказа, но кроме того в нём есть и другая сторона, интересная в плане наших рассуждений.

Аудитория демагога, деревенские мужики, присутствующие при "споре" этого Глеба Капустина с приезжим кандидатом наук, несмотря на то, что они полностью поддаются демагогии и верят в "научность" той ахины, которую несёт Глеб, не сочувствуют ему. Глеб (как личность) отталкивает их тем, что, выступая в роли "поборника истины", он явно имеет в этом личный болезненный интерес, он любит "щёлкнуть по носу" всякого, кто достиг более высокого, по сравнению с деревней, социального статуса. Поэтому, восхищаясь "полемическим талантом" Глеба, мужики в то же время брезгливо сторонятся его внутренней ущербности. Есть все основания предполагать, что он-то и есть настоящий завистник, повышающий свою внутреннюю самооценку за счёт унижения "высоко залетевших" земляков, и вызывающий в окружающих одновременно боязнь и презрение. И всё же в этом конфликте мужики, несомненно, на стороне Глеба, они явно удовлетворены тем, что тому опять удалось "срезать" приезжего.

Как ни плох Глеб, но здесь, с мужицкой точки зрения (которая ими самими, вероятно, не вполне осознаётся), он выступает в роли орудия некой высшей безличной силы - присущей миру конечной справедливости. Эта сила пользуется несправедливым и пристрастным Глебом для достижения справедливой цели: напомнить тем, кто, как выражается Глеб, "задирается выше ватерлинии", приезжая в родную деревню на такси с множеством чемоданов, что несмотря на их признанные удачу и успех, они всё же нарушают правила игры и живут не "по настоящей правде".